

18+

ОЛЕГ ХАРИТ

«Все это — прах под ногами»

Олег Харит

Все это — прах под ногами

«Издательские решения»

Харит О.

Все это — прах под ногами / О. Харит — «Издательские решения»,

Амбициозный юрист Алексей вырывается из бедности, покоряя мир больших денег и власти. Но его успех оказывается цепью компромиссов, а падение — неизбежным. Суд, тюрьма, изгнание из прежнего мира — и вот он среди простых людей, где закон не инструмент власти, а последняя надежда. Найдёт ли он новый смысл, или прошлое вновь затянет его в бесконечный круг? История о крахе иллюзий, поиске истины и цене человеческой совести.

© Харит О.

© Издательские решения

Содержание

Отказ от ответственности	6
Часть I	7
Глава 1. Судьба из трущоб	7
Глава 2. Диплом и реальность	10
Глава 3. Компромиссы	15
Глава 4. Лестница вверх	19
Глава 5. Первая вершина	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Все это — прах под ногами

Олег Харит

© Олег Харит, 2026

ISBN 978-5-0070-7384-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отказ от ответственности

Данный рассказ является художественным произведением. Все события, персонажи и организации, описанные в тексте, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, компаниями, учреждениями или событиями случайны и не являются намеренными.

Автор не преследует цели очернить, обвинить или пропагандировать какие-либо убеждения, а также не поощряет незаконные действия, описанные в тексте. Рассказ носит исключительно художественный и философский характер, отражая размышления о природе успеха, моральных компромиссах и личном выборе.

Любые интерпретации, основанные на данном произведении, являются исключительно точкой зрения читателя. Автор не несёт ответственности за возможные последствия, вызванные восприятием текста, и не даёт юридических, финансовых или иных рекомендаций.

Часть I

Глава 1. Судьба из трущоб

Алексей родился и вырос в крошечной однокомнатной квартире, расположенной в сыром, обшарпанном квартале на окраине большого города, где за каждым углом дышала мгла безысходности и отчаяния. Улицы здесь напоминали бесконечный лабиринт из ветхих панельных домов с обшарпанными подъездами, где тусклые фонари мерцали, словно бьющиеся в предсмертной агонии светлячки. В этом угрюмом мире казалось, что сама природа отвернулась от людей, вынужденных ютиться на задворках общества: ни деревьев, ни ухоженных дворов, а только краски серого бетона, разрисованные грубыми, злобными граффити, и постоянный запах дешевого табака, перемешанного с ароматом старой плесени.

Отец Алексея был почти легендарной фигурой в этом микрорайоне: известный своей нескончаемой тягой к спиртному, он не просыхал с ранних лет юности и к сорока уже утратил последние проблески здравого смысла. Мать, потерявшая веру во что бы то ни было, работала уборщицей в районной больнице: каждый день она вставала до рассвета и устало тащила свое тело к автобусной остановке, а поздно вечером возвращалась в ту же самую тесную комнатушку, где ждал её неуправляемый муж и замученный тишиной сын. Эта тишина была не просто молчанием — это был протест против серой действительности, сопротивление безмолвной покорности, противостояние судьбе, будто бы написанной заранее чьей-то жестокой рукой.

Алексей рано понял, что если он не захочет утонуть в этом болоте, ему придется выбираться любым способом. Школа, расположенная в соседнем квартале, по большей части казалась тюрьмой для детей, где дряхлые учителя давно забыли, что значит вдохновлять. Но Алексей, вопреки всему, нашел тихий угол в пыльной библиотеке: там хранились редкие, нечитанные книги, которых никто не касался годами. Он листал страницы, пропахшие затхлостью, впитывал истории о людях, вырвавшихся из нищеты и ставших кем-то значимым. Именно в этих книгах он искал утешение и мотивацию, хотя окружающая атмосфера не оставляла надежды на чудо.

Иногда по вечерам, когда отец в очередной раз напивался и громко орал на мать, Алексей закрывал уши и размышлял о том, почему они с матерью всё это терпят. И неизбежно приходил к выводу, что выбора у них нет. Но у Алексея должен был быть выбор: он буквально чувствовал, как внутри него горит горячее пламя. Оно шептало ему, что весь этот ужас — лишь временная сцена в жизни, а подлинная драма или триумф ещё впереди. Он поклялся самому себе не повторять ошибок отца, не позволять бедности и пьянству разрушить его душу, не признавать поражение там, где можно найти путь, пусть даже самый узкий и тернистый.

Самым важным прорывом стало поступление в престижный университет на юридический факультет. Для Алексея это казалось фантастикой: ему удалось сдать все вступительные экзамены на достаточно высоком уровне, несмотря на полное отсутствие поддержки и денег. Он изнурял себя круглосуточными занятиями, ночами читал конспекты под тусклой лампочкой, а днём, чтобы заработать хоть немного, подрабатывал в местном магазине, таская тяжелые ящики с товаром. Соседи по двору крутили пальцами у виска: «Зачем тебе это надо? Всё равно вылезти отсюда невозможно». Но Алексей лишь мрачно усмехался в ответ и шел дальше, вгрызаясь в учебники по праву, словно голодное животное, почуявшее кровавый кусок мяса.

И вот настал долгожданный день, когда он вцепился в свой первый студенческий билет, словно это был пропуск в другой мир. Но университет быстро показал, что ничего просто так не дается. Как и во многих сферах, благородная профессия юриста оказалась обвешана вуалью высокомерия и жесткой конкуренции: большинство сокурсников Алексея были выходцами из

обеспеченных семей, они смотрели на него как на чужака, словно на дикаря, проникшего в их выхоленный элитный круг по какой-то нелепой случайности. Пренебрежительные взгляды, неуклюжие насмешки, постоянное чувство, что он лишний, — всё это подтачивало Алексея, но парадоксальным образом лишь укрепляло в нем решимость.

Иногда, глядя из окна университета на просторный парк с ухоженными дорожками, где взад-вперед прогуливались преподаватели и прилично одетые студенты, Алексей думал: «Неужели я смогу когда-нибудь ходить здесь на равных, без этого вечного чувства униженности и страха быть разоблаченным, словно я незваный гость на чужом празднике жизни?» Но все эти рефлексии оставались глубоко внутри: он научился натягивать на лицо спокойную, почти бесстрастную маску, за которой бурлили тревога и отчаяние. Казалось, эта маска — единственное, что отделяло его от полной потери самоуважения.

Одним из самых мрачных моментов в начале его студенческой жизни были дни, когда не хватало денег даже на элементарные вещи. Он брался за самую тяжелую работу: разгружал фуры на складе, мыл посуду в ночном кафе, чтобы утром прийти на лекции с тяжестью в глазах, но все же прийти. Без стипендии, без чьей-либо финансовой помощи, он продолжал борьбу с невидимым врагом — социальной несправедливостью, которая словно нарочно стояла у него на пути, каждое утро насмешливо подталкивая: «Откажись, сдайся, вернись в свое болото». Но Алексей упрямо шёл вперед, вгрызаясь в знания, словно это был последний шанс вырваться из вечного цикла нищеты.

Когда же приближалась сессия, он проводил ночи в университетской библиотеке. Холодное свечение ламп, бесконечные полки с юридическими трактатами и кодексами, тихий шёпот студентов, переговаривающихся между собой о делах и планах, — всё это было для него новой реальностью, реальностью, где царил дух соперничества, обёрнутый в видимость цивилизованности. Он слушал фразы о праве, морали, правосудии, но уже тогда, будучи лишь первокурсником, начал подозревать, что за торжественными словами чаще всего скрывается банальный расчет, оправдывающий любые средства.

Мать Алексея, видя, как сын рвется изо всех сил к лучшему будущему, не могла понять, зачем ему вся эта гонка. Ей казалось, что он и так уже добился чудесного успеха, поступив в университет. А отец... Отец, доведенный алкоголем до безразличия, лишь хмуро усмехался, что-то невнятно бормотал про «умников, которые берутся не за своё дело», и снова уходил в запой. Алексей втайне мечтал, что однажды, когда он станет успешным, отец посмотрит на него без презрения, осознает, что его сын действительно чего-то добился. Но в глубине души Алексей понимал: никакого волшебного прозрения не случится, отец уже слишком увяз в своем собственном аду.

В тот короткий момент, когда Алексей получил уведомление о том, что он успешно завершил курс и переходил на следующий этап обучения, он ощутил непривычную легкость. Словно какой-то призрак прошел сквозь его тело и на миг подарил иллюзию свободы. Он воспринимал этот момент как первую ступень, ведущую к настоящим достижениям, как отпечаток судьбы, которая, быть может, всё же позволит ему, мальчишке из трущоб, выжить и подняться над серой обыденностью.

Однако очень быстро он столкнулся с новой реальностью: денег требовалось ещё больше, лекции становились сложнее, а на горизонте маячила практика в юридических конторах, где начальство было известно своей безжалостностью к стажерам. Алексей чувствовал, что эта дорога — бесконечный марафон: никогда не будет момента, когда он сможет расслабиться и сказать себе: «Ну вот и всё, я дошёл до цели». Нет, цель всякий раз отодвигалась, становилась всё выше, всё дальше, словно насмехалась над ним. Но он не мог остановиться, ведь если он сдастся, то вернется обратно в тот мир, где потащится по затхлым дворам и серым подъездам. Столь пугающая перспектива была для него хуже самой тяжелой работы, хуже самой унижительной ситуации, хуже, чем смотреть в пустые глаза отца.

Даже среди своих товарищей по университету он оставался аутсайдером. И не только из-за бедности, но и из-за того, что не умел и не хотел играть в социальные игры: лицемерно улыбаться преподавателям, заходить в кабинет с дорогим подарком или хвастаться вымышленными связями. Он казался себе одиноким волком, у которого нет стаи, но есть своя тропа. И, несмотря на все сложности, он верил, что одинокая тропа приведет его туда, куда не ведут широкие проспекты для избранных.

В редкие минуты отдыха, когда Алексей выбивался из сил и сознание становилось мутным от усталости, он думал о будущем. Рисовал себе картину, в которой он — известный адвокат или юрист, обладающий властью, способный вершить судьбы людей, возможно, даже делающий что-то полезное для тех, кто остался внизу социальной лестницы. Ведь это был один из его глубинных мотивов: помочь таким же, как он сам, отвоевать своё место под солнцем. Но с другой стороны, в темных лабиринтах сознания уже зарождалась болезненная мысль: «А действительно ли я буду помогать людям, если вся система построена на бесконечном компромиссе и продажности?» Пока что он отгонял эту мысль, списывая её на усталость и молодость, но она возвращалась упорной тенью, нашептывая о том, что справедливость и закон — не всегда синонимы, а человек, однажды вступивший на путь власти, неизбежно рискует потерять часть своей души.

Впрочем, тогда, в самом начале пути, Алексей всё же оставался достаточно наивным, чтобы верить в лучшее. И эта наивность, подкреплённая упорством, помогала ему пережить унижения и трудности. Он думал, что предстоящая практика в крупной юридической фирме станет для него настоящим прорывом, возможностью доказать всем, что сын из неблагополучной семьи может стать уважаемым профессионалом, не опускаясь до низменных махинаций. Но жизнь имела на этот счёт свои планы.

Глядя однажды на себя в зеркало, Алексей увидел не просто худощавого парня в дешевой одежде, но и зародившуюся непримиримость во взгляде. На губах застыла жёсткая линия, будто бы он уже давным-давно утвердился в своем решении: «Я должен идти до конца, вопреки всему». И в этом отражении не было и тени радости, лишь холодная решимость — решимость, готовая к столкновению с любой реальностью, даже самой беспощадной.

Так начиналась история Алексея — история, где трущобы были лишь стартовой площадкой для безумной гонки за успехом, проложенной среди людей, для которых понятия морали и совести стали абстрактными категориями. В будущем, когда Алексей достигнет высоких позиций и окунется в мир безудержных амбиций, роскошных кабинетов и обольстительных обещаний, он не раз вернется мыслями к этим первым шагам. Но пока все это оставалось лишь неясным предчувствием, смутным туманом, обволакивающим его сознание. А перед ним лежал путь, на котором каждый шаг казался стуком сердца, стуком, ведущим к вершине, где, как окажется потом, за завесой успеха мелькали страшные тени собственной пустоты.

Глава 2. Диплом и реальность

Получив диплом об окончании престижного университета, Алексей впервые ощутил горько-сладкий вкус долгожданного признания. Тот серый документ, напечатанный стандартным шрифтом и снабжённый официальными печатями, казался ему пропуском в мир возможностей, где каждый его последующий шаг будет подкреплён весомым доказательством его квалификации. Однако эйфория, которую он испытывал при выходе из стен университета, быстро уступила место тревожному чувству неуверенности, переплетённому с навязчивой мыслью: «А что дальше?» Ведь гулкие коридоры, холодные аудитории и знаменитая библиотека, где он провел столько бессонных ночей, остались позади, а впереди расстилалась неизвестность, в которой отныне не было ежемесячных стипендий, студенческих льгот, четко распланированных расписаний и занятий.

По законам карьерной логики, следующим этапом должна была стать полноценная работа в одной из крупных юридических контор. Но уже на момент окончания учебы Алексей понял: чтобы пройти собеседование в топовых фирмах, нужно иметь не только знания и диплом, но и связи, а также уметь демонстрировать нужную «внешнюю оболочку». Это означало, что будет иметь значение каждая деталь: во что он одет, как он говорит, какую уверенность излучает. И если знания Алексей считал своими, то «оболочка» вызывала у него скептицизм и даже внутреннее отвращение: он знал, что под дорогим костюмом и напускным спокойствием топ-менеджеров юридического бизнеса часто скрываются жестокость, цинизм и безграничная жажда денег.

Однако выбора не было. Он слишком долго и упорно шел к этому моменту, и теперь не мог позволить себе отступить. Вся его жизнь казалась напряженной дугой, тетивой, натянутой до предела, готовой выпустить стрелу в направлении успеха. Он взял последние сбережения, которых было катастрофически мало, и купил более-менее приличный костюм. Костюм оказался на полразмера больше, чем нужно, а галстук — дешевым и плохо сидящим на воротнике. Однако, глядя на свое отражение в зеркале, Алексей заставил себя улыбнуться, хоть улыбка эта получилась скорее кривой. «Мне надо просто произвести впечатление. Что может быть трудного?» — говорил он себе, пытаясь подавить рой сомнений.

Собеседование проходило в огромном офисном здании из стекла и бетона, куда нужно было заходить через блестящие турникеты, предъявляя удостоверение личности. Уже в холле Алексей почувствовал себя неуютно: сверкающие полы, строгие охранники в одинаковых костюмах, суетливые секретари, снующие между лифтами и переговорными комнатами, — всё говорило о том, что это мир, куда пускают только своих, и что каждый взгляд будто бы пытался выяснить, не самозванец ли ты. Алексей уже привык к ощущениям «чужака», но на этот раз напряжение было значительно выше.

Проходя к приемной, он мельком заметил свое отражение в прозрачных стенах: высокий, худой парень с темными кругами под глазами, натянутым узлом галстука и непривычно коротко стриженными волосами. Он вспомнил советы матери — «Выгляди прилично, не забудь побриться, говори вежливо», — и они вдруг показались ему трагически наивными. Словно весь мир — это игра, а он — персонаж, который забыл правильные реплики. И всё же он был решительно настроен выдержать это испытание.

Наконец его пригласили в просторный зал, заставленный мебелью в стиле минимализма. Посреди комнаты за массивным столом сидели двое мужчин и женщина, вся троица в безупречно сшитых костюмах. Алексей ощутил, как по позвоночнику прошла холодная дрожь. «Что ж, — подумал он, — это и есть тот мир, к которому я стремился. Надо держаться».

Собеседование началось с формальных вопросов о его прошлом, учебе, успеваемости, затем перешло к обсуждению его планов и амбиций. Алексей честно рассказал про свою учебу,

про то, как много сил он вкладывал в изучение права, причем постарался держать гордо поднятой голову, чтобы не показать собственного смущения. Однако члены комиссии, обладавшие почти осязаемой аурой превосходства, посматривали на него с едва скрываемым скепсисом. Заметив это, Алексей постарался сосредоточиться на конкретных вопросах, отвечая лаконично, но уверенно.

— И что вы можете предложить нашей компании? — наконец спросил один из собеседников, самый старший по возрасту, склонив голову набок и слегка прищулив глаза. — Свежий взгляд, готовность работать сверхурочно и минимальная стартовая ставка. Я готов к любым задачам, лишь бы набраться опыта, — Алексей постарался сказать это как можно тверже, скрывая охватившую его внутреннюю дрожь.

Мужчина хмыкнул, глянув на коллег, и те без слов продолжили мысленный диалог. Алексей ощутил, что эти люди читают его как открытую книгу: бедный выпускник, у которого нет связей и громких фамилий за спиной, полностью зависит от их благосклонности. Он почувствовал себя словно на суде, где обвинительный приговор — это отказ в приеме на работу, а любой слабый ответ способен укрепить уверенность собеседников в том, что он «не их поля ягода». Однако, к его собственному удивлению, он не испытывал страха — скорее, испытывал холодную злость и противостояние: «Вы можете сомневаться во мне сколько угодно, но я вас ещё удивлю».

Собеседование продолжалось почти час. Ему задавали самые разные вопросы: от юридических казусов до проблем этического характера. Алексей с трудом лавировал, используя все те знания, что с таким трудом приобрел. Ему казалось, что каждый из оппонентов пытается проверить не только его компетентность, но и готовность к компромиссам. Когда же речь зашла об абстрактном обсуждении «справедливости», Алексей впервые ощутил, что атмосфера в комнате накалилась. Это было странно: казалось, что эти люди испытывают раздражение или насмешку при каждом упоминании чистой морали или честной игры в юридическом поле.

— Сплав закона и морали? — переспросила женщина в строгом костюме, слегка приподняв бровь. — Вы действительно полагаете, что в нашей сфере это возможно? — Я полагаю, что закон существует именно для защиты прав граждан, и без морали он быстро превращается в механизм оправдания самых скверных поступков, — попытался возразить Алексей, но голос его прозвучал не так решительно, как ему бы хотелось. — Интересная точка зрения, — с лёгкой усмешкой ответила женщина, перелистывая его резюме. — Но в реальности, как вы, наверное, понимаете, всё гораздо сложнее.

В конечном итоге Алексей покинул эту комнату, испытывая довольно противоречивые чувства. С одной стороны, он чувствовал облегчение оттого, что испытание завершилось и он смог высказать хотя бы часть своих убеждений. С другой стороны, в глазах тех людей он уловил что-то вроде приглушенной насмешки, как если бы они уже знали, что в ближайшем будущем ему придется горько пожалеть о своей романтической вере в справедливость и мораль в юридической практике. Он понял, что дальше начнется самое сложное: ожидание ответа, мучительное осознание собственной уязвимости и зависимость от чьего-то решения.

Как ни странно, ответ пришел довольно быстро — уже на следующий день ему позвонили и сказали, что его согласны взять на должность младшего помощника юриста. Зарплата была скромной, работа обещала быть нервной, график непредсказуемым, но Алексей чувствовал, что не может позволить себе отказаться. Это был его шанс — шанс вырваться из болезненной бедности и доказать всем, кто в него не верил, что он сумеет подняться выше. Услышав голос секретарши, которая без особого воодушевления сообщила ему дату выхода на работу, он ощутил дрожь в руках и резкий прилив адреналина: «Теперь всё по-настоящему».

В первый рабочий день, поднимаясь на 22-й этаж в стеклянном лифте, Алексей едва не потерял дыхание: ему ещё никогда не приходилось находиться в такой высотке, с панорамными окнами, откуда город казался бесконечным полем из домов и дорог. Внутренний инте-

рьер фирмы выглядел пугающе дорогим: мягкие ковровые дорожки, строгая, но элегантная мебель, тонкий аромат утонченных духов, исходящий от коллег женского пола. Пройдя мимо рецепции, он сразу же наткнулся на оценивающие взгляды, в которых без труда считывалось что-то вроде: «Ну что, новобранец, посмотрим, как долго продержишься».

Знакомство с коллективом было кратким и натянутым. Ему представили куратора — парня по имени Андрей, среднего возраста, выглядевшего на удивление измотанным, словно он уже перегорал, не успев достичь вершин. Андрей бегло объяснил ему, где что находится, и сразу же вручил папку с документами, говоря, что нужно «срочно проанализировать положение по одному скользкому делу». В его голосе не чувствовалось ни теплоты, ни поддержки — только безразличие, какое бывает у тех, кто уже утратил веру в то, что новая кровь может изменить хоть что-то в фирме.

К обеду Алексей смог чуть-чуть вынырнуть из бумажного хаоса и сесть на краешек стула в переполненной офисной столовой. Там работники фирмы обсуждали между собой политику, последние новости из мира финансов, сплетни о начальстве и продвигали какие-то кулуарные договоренности. Ему никто не предлагал присесть, не пытался завязать дружеский разговор, словно он был для всех невидимкой. «Что ж, время покажет, смогу ли я стать для них чем-то большим, чем просто новым стажером», — подумал Алексей, глядя в тарелку с пресным салатом, который трудно было есть из-за кома в горле.

Прошло несколько недель, и он уже понимал, что работа в крупной юридической фирме — это не просто сидение в кабинете и толкование законов, а сложный, многоуровневый танец на острие морали и выгоды. Ему нужно было готовить различные документы, ездить на встречи, не задавая лишних вопросов, и постоянно ощущать, как под ногами зыбкий грунт. Оказалось, что множество клиентов фирмы — это люди, которые обладают деньгами или влиянием, а иногда и тем и другим вместе, но явно не любят, когда их ставят в моральные рамки. Первый раз, когда Алексей увидел, как один из старших партнеров буквально «отмазывал» клиента, которого он внутренне считал виноватым, он почувствовал нечто среднее между омерзением и страхом. Ему открывалась изнанка того самого «успеха», о котором он мечтал: здесь во главу угла ставились деньги, связи и умение обойти закон в нужных местах, а отнюдь не торжество справедливости.

В то же время он не мог отрицать, что начинает получать за свою работу пусть небольшой, но реальный доход. Заработанные средства позволяли ему чуть-чуть улучшить свой быт: он смог снять маленькую комнату недалеко от офиса, избавившись от унизительных поездок из своего трущобного района, где соседи уже готовы были распустить слухи, будто «Алексей зазнался, совсем нас забыл». Но он действительно старался забыть свои старые кварталы, где у него не оставалось ни моральных, ни душевных сил поддерживать связь. Возможно, в этом таился один из первых незаметных для него компромиссов с совестью: он отрубил родные корни, чтобы полностью погрузиться в новую реальность.

Немногим позже у него состоялся короткий разговор с Андреем, куратором, который застал Алексея, когда тот пытался на обеде быстро пролистать юридический справочник, стараясь восполнить пробелы в своих знаниях. — Что, друг, всё учишься? — спросил Андрей с какой-то странной усмешкой. — Да, хочу разобраться, как правильно составлять эти процессуальные документы, чтобы быть полезным. — Слушай, тебе никто не говорил, что иногда слишком много знать — это даже вредно? — Андрей произнёс это словно полусерьезно, но в его глазах читалась печальная усталость. — Просто делай то, что тебе говорят, и не лезь туда, куда тебя не просят. И совет: не забивай себе голову лишними «моральными» вопросами. У нас тут своя правда.

Алексей смолчал, пожав плечами. Тогда он ещё не понимал в полной мере смысла этих слов, но чувствовал, что за ними стоит нечто большее, чем просто циничный взгляд. В них была скрытая исповедь человека, который когда-то, возможно, тоже верил в высокие идеалы,

а теперь спускается на одном эскалаторе с сотнями таких же, как он, — эскалаторе, который движется от одного компромисса к другому, без надежды на возвращение к чистоте изначальных принципов.

По мере того как дни сливались в недели, а недели — в месяцы, Алексей всё лучше понимал, какой путь открывается перед ним. Этот путь уже давно не казался ему прямой лестницей к вершине славы, а напоминал скорее запутанный лабиринт, где за каждым поворотом его ждали бесконечные парадоксы и моральные дилеммы. Если он хотел продолжать своё восхождение, ему пришлось бы привыкнуть к факту, что закон — это скорее рычаг в руках сильных, чем инструмент защиты слабых. Ему пришлось бы закрывать глаза на то, с какими людьми он имеет дело, и каким делам он способствует. Конечно, он мог убеждать себя, что раз не он выносит приговоры, то не ему и отвечать за последствия. Но эта мысль звучала слишком удобной, слишком соблазнительной отговоркой для человека, который когда-то гордо держал в руках диплом с верой, что сможет изменить мир к лучшему.

И всё же, в глубинах своих ночных размышлений, Алексей всё ещё цеплялся за небольшую надежду, что как только он укрепится в фирме, обретёт определённое влияние, он сумеет направить ситуацию в более праведное русло. «Ведь невозможно, чтобы все здесь были настолько испорчены, — думал он. — Может, есть люди, которые тоже хотят что-то изменить, но не могут высказаться?» Он пытался найти подтверждение этим мыслям в словах коллег, однако наткнулся лишь на косые взгляды или скупые брошенные фразы, которые давали понять, что ему лучше помалкивать, если он не хочет закончить свою карьеру раньше, чем она успела начаться.

Именно в этот период Алексей стал понимать, что социальная лестница, о которой он когда-то грезил, похожа не на светящийся путь к вершине, а на спираль, закручивающуюся вниз, если смотреть на неё сквозь призму морали. Поднимаясь по её ступеням, человек вроде бы достигает больших возможностей и известности, но одновременно теряет драгоценные части своего «я». «Возможно, — думал он, — сама идея разделения людей на „высшие“ и „низшие“ сословия изначально лжива, и я просто клюнул на блестящую наживку». Но тут же его накрывало чувство протеста: «Альтернатива-то какая? Вернуться к обшарпанным дворам и кабакам? Умереть в нищете, наблюдая, как отец продолжает спиваться?» Нет, это тоже казалось абсурдом.

Один день был особенно показательным: фирма проводила закрытую встречу с представителями крупной бизнес-структуры, у которой были проблемы с законом. Алексей, как младший помощник, должен был сидеть в уголке и записывать все важные детали. Его наставник, Андрей, по дороге на встречу сразу предупредил: «Будь по-тихому, не задавай вопросов, а просто записывай». Алексею казалось, что он попал на другую планету, настолько холодным и расчетливым было обсуждение. Люди говорили о масштабных махинациях с финансами, при этом улыбались, шутили, подменяли слова, стараясь не произносить прямых признаний. Казалось, весь диалог — это сплошное жонглирование полуистинами и намеками, понятными лишь узкому кругу посвященных. У Алексея внутри сжималось сердце: «Неужели всё это настоящему, неужели это и есть тот мир, куда я так стремился?» Но он продолжал аккуратно записывать слова, мысли, ключевые фразы, стараясь отрешиться от своего морального шока. Когда он вернулся в свой кабинет и посмотрел на исписанные листы, ему стало не по себе: на этих страницах отражалось чёткое свидетельство того, как люди с деньгами могут манипулировать законом, превращая его в «резиновую» субстанцию. И он, Алексей, был соучастником этой игры, пусть и на самом низком уровне.

Вскоре после этого случая его вызвал к себе один из старших партнеров, мужчина лет пятидесяти с пронзительным взглядом, который обычно держался холодно и даже свысока. Он похвалил Алексея за аккуратность в ведении записей и сказал, что в нем видит потенциал. «Ты быстро схватываешь суть, — произнёс он, — и главное, не задаёшь лишних вопросов.

Это важное качество. Понимаешь, у нас тут всё строится на эффективном решении вопросов клиентов, а не на морализаторстве и самолюбовании». Алексей молча кивнул, догадываясь, что за этим «потенциалом» скрывается простое желание использовать в своих целях умение парня держать язык за зубами.

Тем не менее, похвала от влиятельного человека в фирме означала, что его положение начинает укрепляться. Уже не приходилось опасаться, что его вышвырнут на улицу после первого же провала или неосторожного слова. Напротив, некоторые коллеги начали замечать его и даже мимоходом бросать что-то похожее на одобрение. Алексей понимал, что все эти мимолетные жесты — всего лишь часть игры, в которой доверие никогда не бывает искренним. Но в то же время ему была нужна эта «поддержка», чтобы продолжать удерживаться над пропастью, куда он рисковал сорваться, если вдруг возомнит себя борцом за справедливость.

Так, незаметно для себя самого, Алексей начал привыкать к компромиссам. Он уже не вздрагивал при виде клиентов, чьи действия выкручивали руки закону. Он перестал краснеть и пытаться возражать, когда замечал, что в каком-нибудь деле замешаны явно подкупленные официальные лица. Он гнал от себя мысли о том, как всё это будет выглядеть со стороны, если кто-нибудь прочитает сухие строчки документов, подготовленных им для судебного заседания. Он всё чаще уходил в технические детали, стараясь «не вникать в суть», оберегая себя от болезненной истины: то, чем он занимается, уже давно далеко от его юношеских представлений о справедливости.

Казалось, каждый прожитый день работы приносил ему чуть больше денег на счет, чуть больше уважения со стороны коллег и чуть меньше покоя в душе. Но он отмахивался от этого ощущения: «Когда-нибудь у меня будет достаточно влияния, чтобы действовать по своим правилам», — лгал он себе, отправляясь поздним вечером домой в полупустой маршрутке или иногда на такси, если ему удавалось задержаться в офисе до глубокой ночи.

Тем не менее, даже при всей своей внутренней борьбе, Алексей чувствовал странную смесь гордости и тоски. Он реально достиг того, о чём мечтал в университете: стал специалистом, которого признают и нанимают в крупную контору. Но его ожидания, что такая работа принесёт чувство победы и реализации, разбивались о холодные стены рутинных сделок и грязных махинаций. Ему начинало казаться, что это лишь начало длинного пути, который может превратиться в бесконечный цикл «прогибов» и самооправданий. Возможно, он уже сейчас топчется в самом сердце этого циклопического механизма, именуемого «социальной лестницей», и что с каждым новым шагом вверх — он опускается всё глубже в собственном самоуничтожении.

И всё же, когда он ложился ночью на скрипучую кровать в снятой комнате и закрывал глаза, перед ним вставал образ детства — та самая тесная квартира, где пьяный отец орал на мать, а Алексей прятался за потрескавшимся шкафом, мечтая когда-нибудь стать свободным от этого кошмара. Разве теперь он не свободен? У него была работа, пусть и без четкого морального фундамента, были деньги, пусть и не слишком большие, были перспективы, пусть и навеянные духом сомнительных сделок. «Я выбрался», — повторял он, словно стараясь заглушить внутри себя некую тихую, но настойчивую боль, которая нашептывала: «Все это может оказаться пустой оболочкой, лишенной истинного смысла».

Так Алексей вошел в порог взрослой жизни, где иллюзия «диплома и реальности» начала рассеиваться, показывая истинное лицо современной юридической системы: это огромное поле сражений, где все вооружены не только знаниями, но и двойными стандартами, где каждый стремится урвать свой кусок, не слишком задумываясь о последствиях. И Алексей, пусть пока и с мечущейся душой, уже сделал выбор в пользу этого мира, надеясь, что однажды сумеет повернуть его лицом к справедливости, не догадываясь, что это лишь первая из многих иллюзий, которые ему придётся развеять на пути к тем вершинам, о которых он когда-то грезил.

Глава 3. Компромиссы

Несколько месяцев прошли в бешеном темпе, и Алексей ощутил, как его жизнь начала обретать новое, чуждое ритмическое дыхание: чередой бесконечных рабочих будней, проступающая сквозь прослойки недосыпа и внутреннего напряжения. Первое время ему казалось, что он просто воюет с хаосом, стараясь удержаться на плаву среди кипящего моря юридических документов, циничных сделок и невыполнимых сроков. Но вскоре появилась новая, куда более опасная составляющая этой реальности — осознание того, что он уже вовлечен в систему, где компромиссы становятся повседневной необходимостью. В этом мире никто не спрашивал: «Готов ли ты переступить черту?» Скорее, это подразумевалось априори: хочешь остаться — придётся привыкнуть.

В одном из дел Алексей столкнулся с ситуацией, когда необходимо было «подправить» финансовую отчётность клиента так, чтобы в суде она выглядела безупречно. Он понимал, что это своего рода подлог, пусть и замаскированный под «юридическую хитрость». Старшие партнёры не приказывали ему напрямую фальсифицировать данные. Скорее, они говорили нечто расплывчатое: «Надо проявить изобретательность, найти удобную формулировку, которая спасёт дело». За подобными витиеватыми намёками скрывалась холодная уверенность в том, что любой скромный стажёр, стремящийся построить карьеру, сделает «всё правильно», не задавая лишних вопросов.

Поначалу Алексей попытался возразить, сославшись на то, что, возможно, существуют «законные» пути решения. Он пошёл в архив, начал перебирать судебную практику, ища прецеденты, которые позволили бы им выиграть дело без подобных уловок. Однако несколько дней упорного труда не дали результата. Все более или менее «чистые» методы оказывались неэффективными или бесполезными. Его настигла мучительная дилемма: если он скажет, что не может выполнить задачу, его сочтут некомпетентным; если вздумает рассказать о своих моральных сомнениях, коллеги быстро дадут понять, что в этой фирме нет места для слишком «щепетильных» работников. В конце концов, Алексей сжался в комок в своём маленьком служебном кабинете (хотя скорее это была тесная комнатуха с одним столом и шкафом) и, понимая неизбежность, подготовил документы так, как требовала ситуация.

Он провёл бессонную ночь в терзаниях, но к утру понял: если он откажется от подобной практики, ему придётся уйти. А уйти означало вернуться к нищете, бессмысленно потерять всё то, ради чего он боролся. Ему всё ещё казалось, что цель — вырваться из бедности, доказать миру, что он чего-то стоит — оправдывает временные компромиссы. Но уже тогда, сидя на продавленном диване в своей квартире, он чувствовал, что лишается чего-то важного внутри себя. Оглядываясь на стены, выкрашенные дешевым бледно-жёлтым цветом, он понимал, что почти не заметил момента, когда сделка с совестью перестала быть гипотетической и стала реальностью.

В течение последующих недель возникло ещё несколько похожих ситуаций. Алексей всё чаще замечал, как фирма «выкручивает» правду, использует связи и коррупционные механизмы. Он не мог назвать это напрямую преступлением: система была слишком изощрённой, умело завуалированной, чтобы никто никогда не назвал вещи своими именами. На совещаниях, где собирались партнёры и менеджеры высшего звена, царил двусмысленный величие: люди говорили о «балансе интересов», «творческом подходе к праву» и «стратегической адаптации фактов». Алексею оставалось либо приспосабливаться к такой терминологии, либо выбывать из игры.

Однажды его вызвал к себе Майкл Хэйс — тот самый партнёр, который имел статус легенды в юридических кругах города. Он был известен своими «победами» в судах, когда очевидно виновные клиенты умудрялись уходить от ответственности. За это его одновременно

ненавидели, презирали, но и уважали за профессиональную сноровку. Майкл выбрал Алексея для нового проекта: нужно было сопровождать судебный процесс против конкурирующей компании, и Алексей должен был подготовить «аналитический отчёт» о хозяйственной деятельности ответчика. По сути, требовалось собрать материал, который можно было бы использовать как рычаг давления — нечто вроде компромата, пусть и в пределах (или на грани) закона.

— У тебя талант к погружению в детали, — сказал Майкл, с любопытством разглядывая своего молодого сотрудника. — А главное, ты не задаёшь тупых вопросов вроде «А не слишком ли это грязно?» или «А морально ли это?». — Я стараюсь делать то, что нужно фирме, — ответил Алексей, чувствуя, как внутри у него ворочается ком стыда и странное, почти болезненное любопытство. — Правильный ответ, — хмыкнул Майкл, передавая ему флешку с какими-то документами. — Изучи, составь сводный отчёт. И да, помни: это должно выглядеть безупречно, даже если факты кажутся шаткими. Главное — уметь преподнести их так, чтобы судья и присяжные увидели ровно ту картину, которая нам нужна.

Алексей взял флешку, словно принимая на руки тяжёлую, но невидимую ношу. Когда он вернулся в свой кабинет и открыл файлы, сердце у него ёкнуло: там были выписки из разных источников, часть из которых явно получена не совсем законным путем. Среди них фигурировали личные переписки сотрудников конкурирующей компании, сведения о каких-то семейных разногласиях, намёки на нецелевое использование денег. Алексей осознал, что ему предстоит склеить воедино обрывки чужой жизни и выдать это за «доказательную базу». Здравый смысл подсказывал: многое здесь может быть искажено, вырвано из контекста и в конечном итоге использоваться, чтобы уничтожить оппонентов. Но он уже понял, что в этой фирме никто не будет выслушивать его сомнений.

Следующие дни прошли в напряжённом изучении материалов. Алексей пытался сохранить объективность: он выписывал даты, сопоставлял факты, пытался выявить логические связи. Однако в конце концов он понял, что требует от себя невозможного: любой факт здесь был будто бы пригнан к заранее заданному вектору, который называется «выгодно для клиента». Его задача заключалась не в том, чтобы воссоздать реальность, а в том, чтобы подобрать и систематизировать только те детали, которые помогут выкрутить нужный результат. Впервые в жизни он столь ясно ощутил, что «истина», о которой так много говорили в университете, на практике превращается в пластилин, из которого лепят любую форму, если на кону стоят деньги и репутация.

Когда он сдал готовый отчёт Майклу, тот лишь кивнул, мельком пролистал и произнёс фразу, от которой Алексея передёрнуло: — Молодец. Мне нравится, как ты работаешь. Тут видно, что у тебя есть чутьё на уязвимые места.

Вечером того же дня Майкл предложил Алексею поехать с ним на «деловую встречу» — вернее, это была закрытая вечеринка, где собирались представители богатых клиентов фирмы, чиновники и несколько крупных бизнесменов. Алексей, чувствуя и страх, и любопытство, принял приглашение. Он никогда не был в подобных местах: роскошное загородное поместье с высокими стенами, обширным садом и охраной на въезде. Интерьер поражал воображение: полированная мебель, картины известных художников, повсюду золоченые детали и хрустальные люстры. Сияние богатства ослепляло, наполняя душу Алексея тревожным восторгом — словно он вдруг попал в запретный рай, глядя на который испытываешь не только восхищение, но и какое-то унижение.

Гости сидели небольшими группами, пили дорогой алкоголь, негромко переговаривались, время от времени взгляды на новичка. Майкл представил Алексея нескольким влиятельным людям, упомянул, что «этот парень к нам пришёл снизу, но очень толковый». Алексей ловил на себе полуулыбки, в которых слышалось покровительственное любопытство: «Что ж, пусть будет нашим чудом-юристом из глубинки». Он чувствовал себя неуютно, как зверёк,

забредший в чужое логово, где хозяева в любую минуту могут решить, что он им безразличен или неприятен.

Разговоры на этой вечеринке шли о крупных сделках, предстоящих судебных процессах, возможном влиянии новых законопроектов на бизнес. В какой-то момент Алексей понял, что эти люди обсуждают закон не как что-то, призванное устанавливать справедливость, а скорее как инструмент, который нужно грамотно настроить в свою пользу. Звучало много фраз вроде «надо будет занести подарок нужному лицу» или «мы договоримся с ним, он все уладит». Нигде не прозвучало ни малейшего намека, что такое положение вещей может быть неправильным. Здесь всё воспринималось как само собой разумеющееся, как естественный ход дел. Алексей осознал, что именно с этими людьми — предпринимателями, политиками, чиновниками — сотрудничает его фирма. Именно для них, привыкших жить по принципу «цель оправдывает средства», он теперь готовит отчёты, ищет лазейки, шлифует доказательства.

Ближе к полуночи, уже прилично уставший, он нашёл тихий уголок во дворе особняка. Там, под разросшимися кустами и деревьями, стояла небольшая скамейка, скрытая от взоров компании. Алексей сел, запрокинул голову к тёмному небу, на котором мерцали звёзды. Вдруг он почувствовал, как внутри него всё сжимается: словно кто-то незримо прикасался к его сердцу, напоминая о чём-то невыносимо важном, что он вот-вот потеряет. Перед глазами всплыл образ его матери, которая жила где-то в сырой и неухоженной квартире, не представляя, что её сын теперь возвращается среди роскоши и цинизма. Он вообразил, как бы она отреагировала, увидев этот праздник, эту калькуляцию законов, этот торг совестью. И ему стало стыдно, так стыдно, что захотелось встать, выйти и сказать: «Нет, я не хочу в этом участвовать». Но эта мысль угасла так же быстро, как появилась: Алексей понимал, что уходить некуда. Ведь то, с чем он боролся всю жизнь — нищета, безнадёжность — стало для него самой большой угрозой, призраком, который он желал оставить позади любой ценой.

Спустя полчаса, когда он уже собирался вернуться в зал, рядом с ним появился Майкл Хэйс, держа в руках бокал тёмного вина. — Устал? — спросил он, с любопытством глядя на Алексея. — Привыкай. Если хочешь стать по-настоящему большим игроком, такие вечеринки — твой шанс. Здесь заключаются сделки и завязываются нужные контакты. — Я понимаю, — ответил Алексей, опустив взгляд. — Ты, кажется, переживаешь из-за того, что увидел и услышал здесь, — продолжил Майкл, присаживаясь рядом. — Слушай, парень, забудь про мораль. Её нет в высших слоях общества. Есть только интересы, деньги и немного власти. Закон? Да, мы все играем по правилам, которые же сами и выдумываем. Кто-то назовет это лицемерием, но если ты хочешь жить, а не выживать, стоит смириться. Алексей ощутил, как его сердце сжимается при этих словах: в них звучал голос судьбы, которой он всегда старался противостоять. — А если я хочу менять что-то к лучшему? — с трудом выдавил он. Майкл усмехнулся и сделал глоток вина. — Сначала стань тем, с кем люди вынуждены будут считаться. А потом, может, у тебя и появится шанс. Только не факт, что тогда тебе вообще захочется что-то менять. Видишь ли, дорога, ведущая к «верхам», очень часто превращает наши благие намерения в прах. Мы все здесь начинали с высоких идеалов, но смотри, к чему пришли.

Эти слова застряли в сознании Алексея и продолжали звучать, даже когда вечеринка закончилась и он поздней ночью вернулся к себе. Он лежал на койке и смотрел в потолок, осмысливая то, что сказал Майкл. Перед глазами всплывали лица отца, матери, друзей детства, которые не верили в его блестящий успех. Теперь, достигнув определённой ступени, он понимал, что между ним и его родным миром уже пролегла пропасть, заполненная обманом, полуправдой, сомнительными сделками. И он сам начал превращаться в то, что раньше презирал. Эта мысль терзала его сознание, мучила, но он пытался оправдать себя: «Это временно. Мне нужно закалиться, ведь впереди ещё длинный путь. Когда я обрету настоящую силу, у меня будет возможность действовать по совести. Сейчас я просто пытаюсь выжить».

Так Алексей сделал свой выбор, пусть и не в полной мере сознательно. Он решил, что будет поступаться некими этическими принципами, пока это необходимо, с надеждой, что потом он сможет вернуть себе эти принципы. Но в душе уже тогда зародилось понимание, что такой обмен часто бывает безвозвратным: мир «сильных людей» крайне редко возвращает долговые расписки по морали. Скорее он превращает тот идеализм, который горел в сердце, в холодный пепел, пропитанный запахом денег и власти.

С того дня компромиссы стали не эпизодической болью, а постоянным спутником его работы. Алексей всё меньше задавал вопросов, он научился профессионально оправдывать даже самые сомнительные шаги. Тот страх перед увольнением и бедностью, что не покидал его с момента начала карьеры, придавал ему решимости соглашаться, браться за грязные дела, выторговывать у совести поблажки. Вскоре он сам заметил, что при разговоре с клиентами его речь стала более «скользкой»: он уже знал, как именно сформулировать фразу, чтобы обойти опасные углы и направить дискуссию в нужное русло. Однажды, посмотрев на себя в зеркало после напряжённого дня, Алексей увидел в своих глазах не юношеский огонь, а холодную усталость и некий жёсткий блеск, напоминающий о том, что в жестоких играх выживают наиболее приспособленные.

Отныне это стало его буднями: он поднимался по социальной лестнице, но с каждым новым шагом ощущал, что почва под ногами становится всё более зыбкой. Любое неверное слово, любое проявление излишней морали могло стоить ему положения, а значит — и всего того, чего он добивался с детства. И он уже не мог определить, где заканчивается его собственная воля, а где начинается механический процесс подчинения системе, в которой компромиссы, как острые осколки, врезались в его совесть.

Ведь теперь жизнь в фирме стала для него не просто работой, а своеобразным испытанием, где он сдавал экзамен на лояльность и гибкость едва ли не каждый день. И, каким бы горьким ни казалось признание, всё указывало на то, что он сдаёт эти экзамены успешно. Но отдавал ли он себе отчёт в том, какую цену уже начал платить за эти «победы»? Вероятно, да, но старался гнать подобные мысли подальше, чтобы не осознать слишком рано, что вместо сияния, о котором он грезил, его ждёт темная ночь души, в которой все принципы, вера и мечты могут рассеяться, словно пепел на ветру.

Так постепенно Алексей перешагнул свой внутренний рубеж, когда компромиссы перестают быть исключением и становятся обыденной нормой, — рубеж, из-за которого редко возвращаются к тому, кем были раньше. И этот момент ознаменовал для него начало процесса отдаления не только от семейных корней, но и от самого себя.

Глава 4. Лестница вверх

Новообретенная рутина Алексея, скомканная и нервная, постепенно начала наполняться признаками социального роста, о котором он некогда мечтал. После нескольких месяцев непрерывной работы, бессонных ночей и множества мелких сделок, в которых он старался проявить себя «как надо», перспективы начали открываться всё более заманчивые. Офис фирмы, ещё недавно казавшийся чужим и угрожающим, стал для него почти привычной средой, а многие коллеги — узнаваемыми фигурами в общем хороводе лицемерия и негласных правил.

Отношение со стороны старших партнёров сменилось с откровенно снисходительного на сдержанно-похвальное: они поняли, что Алексей умеет ориентироваться в чужих слабостях, ловко «дорабатывать» документы, сглаживая острые углы, и вообще не задавать нежелательных вопросов. Это был тонкий баланс между смекалкой и покорностью, который, как вдруг выяснилось, высоко ценится в юридическом бизнесе. Алексей быстро перешёл в категорию «надёжных исполнителей», то есть тех, на кого можно положиться в делах, вызывающих у остальных внутреннее содрогание или страх перед репутационными рисками.

Вскоре руководство поручило ему несколько более серьёзных проектов. Один из них связан с защитой богатого клиента, которого преследовали обвинения в незаконном обогащении и теневых операциях на бирже. Для Алексея это стало своеобразным прорывом: подобные дела кидали в кипящую пучину интриг и высоких ставок, где каждый промах грозил не просто юридическими последствиями, но и ударом по влиянию тех, кто за всем этим стоял. Работая с этим делом, Алексей имел дело с огромным массивом конфиденциальных сведений, показаний свидетелей, финансовых документов — часто мутных и неполных, но в то же время способных стать компроматом. Он всё отчётливее видел структуру сети, связывающей крупный бизнес, политику, медиа, и понимал, что закон здесь — лишь тонкая, почти прозрачная плёнка, которую без труда можно проткнуть при наличии достаточного количества денег и нужных связей.

Именно в этот период (когда Алексей с головой погрузился в дела высшего круга) он начал зарабатывать ощутимо больше. Зарплата «талантливого исполнителя» была скромной по меркам партнёров фирмы, однако на общем фоне прежней нищеты казалась фантастическим богатством. Сумма, которую он ежемесячно получал на счёт, перекрывала все его прежние нужды и оставляла даже запас для непредвиденных трат. Алексей впервые в жизни ощутил вкус финансовой стабильности. Для человека, чьё детство прошло в окружении обшарпанных стен и пьянства, такие средства выглядели словно внезапно полученная суперспособность. Он мог позволить себе снимать квартиру более престижного уровня — пусть не роскошную, но уже без постоянных перебоев с электричеством и затхлым запахом сырости в подъезде. Он купил новую одежду, значительно более дорогую, чем та, что носил раньше, и заметил, с каким удовольствием смотрится в зеркало, когда надевает хорошо сшитый пиджак.

Взросший доход открыл ему двери в рестораны, о которых он прежде мог только мечтать. Теперь он мог, пусть и не каждую неделю, приглашать коллег на ужин, стараясь быть «своим» среди тех, кто привык растрачивать на еду суммы, равные месячной зарплате какого-нибудь учителя. Однако, преодолевая смешанные чувства — от щекочущего эго до внутреннего протеста, — Алексей понимал, что любой демонстративный жест финансового благополучия в этом мире воспринимается как норма, как необходимый аксессуар карьеры. Если ты не можешь позволить себе подобные траты, значит, ты либо аутсайдер, либо не вписываешься в круг. И теперь он мог позволить, всё ещё с некоторой дрожью, заказать себе кусок мраморной говядины или бутылку вина за неприличные деньги, чтобы не выглядеть странным среди успешных и уверенных в себе людей.

Элитное окружение, в которое он попал через новых клиентов и влиятельных партнёров, также начало принимать его без прежней враждебности. Алексей больше не чувство-

вал так остро, что на него смотрят свысока. Напротив, некоторые знакомые из высших слоёв начали спрашивать его совета, подброшенного в ходе светских бесед: «Алекс, что ты думаешь о последних решениях суда? Как считаешь, есть шанс обойти этот законопроект?» Ему льстило, что его стали называть «Алексом»: это звучало респектабельнее, чем «Алексей». Он замечал, как люди прислушиваются к его словам, даже если в них сквозит осторожная формальность. Прозвище «Алекс» постепенно искореняло образ провинциального мальчишки из трущоб, и он чувствовал, что играет новую роль — роль опытного, обладающего связями юриста. Внутри поднималась тревожная мысль: «Неужели я становлюсь одним из тех, кем раньше брезговал?», но он старался затолкать её поглубже, убеждая себя, что без этих изменений он бы ни на шаг не продвинулся от своей нищенской реальности.

Вместе с тем, на фоне общего подъёма карьеры, всё чаще стали происходить события, которые выдавали мрачную сущность таких «достижений». Один из самых болезненных эпизодов случился, когда в фирму обратился клиент из старого района, где вырос Алексей. Этот человек, мужчина средних лет, владел небольшим автосервисом и столкнулся с несправедливыми претензиями от крупной страховой компании. У клиента не было больших денег, и он рассчитывал, что фирма возьмётся за его дело, опираясь на какие-то принципы честности. Алексей, увидев, что этот человек напоминает ему о прошлом, предложил консультацию, думая, что сможет помочь бесплатно или за символическую плату, ведь дело несложное. Но партнёры быстро дали понять: фирма не занимается «мелкими клиентами» без серьёзного гонорара. Когда Алексей попытался возразить, что иногда стоит идти навстречу людям, его просто отрезали: «Это не благотворительная организация, парень. Хочешь помогать беднякам — открой своё частное бюро, когда разбогатеешь. А пока работай».

Тогда Алексей всё же нашёл время встретиться с тем мужчиной за пределами офиса, в кафе, уговаривая его отступить от судебного иска и попытаться договориться с компанией самостоятельно. Мужчина недоумённо спросил, почему Алексей сам не возьмётся за дело. И в тот миг Алексей ощутил болезненную необходимость врать, выкручиваясь: «Мне жаль, но я сейчас сильно загружен...» На самом деле он боялся, что, если взяться за этот случай, партнёры заметят его «самодеятельность» и раздавят, лишив всех завоеванных привилегий. Так Алексей предал одного из «своих», человека, который, как и он сам, происходил из бедного слоя и нуждался в помощи. Этот эпизод стал для него горьким подтверждением, что он действительно начал утрачивать связь с собственной совестью: он поступился принципами ради карьеры, и теперь даже не мог скрыть это от своих собственных глаз.

Позже он вспоминал об этом случае, когда был в кругу новых знакомых, уже довольно влиятельных. Мерцали огни ночного клуба, где всё было рассчитано на утонченную роскошь: бармены готовили коктейли из редких напитков, официанты носили элегантную униформу, вокруг слышались звонкие смешки и негромкая, чарующая музыка. Там Алексей пил что-то дорогое и горькое, едва слыша собственные мысли. К нему подошла Лора Бэйнс — одна из коллег, которая уже долгие годы работала в фирме, прославилась своей безупречной подготовкой дел, но почти не говорила о личной жизни. Лора попросила у него прикурить: Алексей с удивлением заметил, что у неё дрожат руки.

— Знаешь, Алекс, — выдохнула она, резко затянувшись сигаретой, — я видела, как ты взял дело того автослесаря из твоего старого района. Что-то получилось? Алексей опустил глаза. — Нет, — сказал он, стараясь говорить как можно холоднее, будто это не имеет для него значения. — Меня попросили не заниматься подобными мелочами. — И ты послушался, — констатировала она, кивая. — Не держи на себя зла. Тут так всё устроено. Если начнёшь идти против системы, она тебя быстро проглотит. Поверь, я уже столько лет здесь и знаю, что говорю. — Система... — повторил Алексей, чувствуя, как в груди поднимается волна раздражения и безысходности одновременно. — А когда-то ты хотела её менять, как мне кажется? Лора лишь грустно улыбнулась. — Все мы чего-то хотели, когда были в твоём возрасте. Но иногда всё,

что нам остаётся, — это купить себе красивые побрякушки и дорогие тряпки, чтоб скрыть пустоту. Разве не так?

На следующий день Алексей, прокручивая в голове этот разговор, словно твердил себе мантру: «Я не хочу стать таким человеком, который только и умеет, что откупаться от собственной совести». Но он понимал, что уже погружается в эту среду всё глубже. Его начало затягивать не только финансовое благополучие, но и любопытство к влиятельным контактам, возможность чувствовать свою значимость, видеть в зеркале отражение хорошо одетого молодого юриста. Эти социальные сигналы были слишком сильны, слишком соблазнительны для того, кто большую часть жизни провёл в мире, где невозможно было даже помечтать о подобном статусе.

Постепенно Алексей стал замечать и ещё одну опасную грань своего «взлёта»: он почти прекратил общаться с давними друзьями. Те, с кем он когда-то бегал по дворам в своём неблагополучном районе, теперь вызывали у него смутное чувство стыда или неловкости. Когда он заходил в соцсети, он видел, как они выкладывают фото своей обычной, бедной, местами даже отчаянной жизни. Он хотел написать, спросить, как дела, но понимал, что у них не осталось общего языка. Его прежняя среда казалась ему слишком далёкой от стремительной карусели светских приёмов, дорогих костюмов и служебных автомобилей. Он понимал, что может показаться высокомерным в их глазах, или, хуже того, вызвать поток просьб о помощи, от которых придётся отрешиваться. Со временем он просто перестал отвечать на их сообщения, а потом и вовсе удалил их контакты из списка, объяснив это себе тем, что у него «слишком много работы».

Подобное отдаление произошло и с семьёй. Мать продолжала звонить, пытаясь завязать разговоры о жизни, но Алексей отвечал холодно, предпочитая короткие формальные фразы, ссылаясь на занятость. В глубине души он боялся услышать о новых проблемах отца, снова втянуться в старые переживания и комплексы. Да, он высылал матери немного денег, но избегал личных встреч, понимая, что, увидев разницу между его новым образом и тем местом, откуда он вышел, испытает только боль и неловкость. Он не чувствовал себя готовым к этому эмоциональному дискомфорту, слишком отчётливо осознавая, как далеко ушёл и какую жертву при этом принёс.

Показательной стала и первая серьёзная ситуация предательства, когда фирма получила дело, связанное с человеком, которого Алексей знал по университету. Тот был его бывшим сокурсником — умным, но бедным парнем, как когда-то Алексей сам. По стечению обстоятельств, этот приятель, оказавшись на другом конце юридического поля, представлял интересы малоимущих граждан, пострадавших от одной из махинаций их общего клиента. Алексей понимал, что эти люди действительно были обмануты, что их средства, пусть и небольшие, ушли в карманы более могущественных финансовых воротил. Однако корпоративная логика требовала защитить клиента фирмы любой ценой. Алексей встал перед делом, где ему нужно было применить всё мастерство, чтобы дискредитировать доводы бывшего сокурсника, выставить его доказательства ничтожными и, по сути, вынудить судебную систему закрыть глаза на несправедливость.

— Слушай, — сказал ему этот парнишка в кулуарах, когда они случайно столкнулись возле зала суда, — ты же понимаешь, как здесь всё устроено? Мы боремся за правду, а вы за деньги. Разве тебе не стыдно? Алексей, стараясь не смотреть ему прямо в глаза, лишь коротко ответил: — Я просто делаю свою работу. В голосе звучала стальная нотка, которая раньше ему не была свойственна. А в душе металась та же самая горечь: он осознавал, что в этот миг разрушает не только очередную частичку своей совести, но и воспоминания о том, каким он был в университете, когда ещё верил, что сможет менять мир к лучшему.

В итоге он сумел провести все юридические трюки блестяще, суд принял сторону их клиента. Фирма отпраздновала победу, старшие партнёры пожимали Алексею руку, одаривали

похвалами, обещая вскоре поднять ему гонорар. Но в глубине души Алексей чувствовал, что эта «победа» означает ещё один камень на его душе. И всё-таки система вознаграждала его за подобное поведение: вместе с новыми успехами к нему пришёл ещё больший достаток, а значит, новая одежда, возможные поездки на отдых, больше внимания со стороны коллег, которые видели в нём формирующуюся «звезду» юридического ремесла.

Так проходили недели и месяцы, незаметно сплетаясь в узор, в котором Алексей всё плотнее обволакивался атрибутами новой жизни. Казалось, лестница успеха действительно тянет его вверх: каждый шаг приносил прибавку к зарплате, расширение круга знакомств, всё более сложные дела. И он уже не спрашивал себя так часто, какую плату требует этот вертикальный подъём. Отголоски сомнений и угрызений совести, конечно, не исчезли окончательно, но каждый раз, когда они давали о себе знать, Алексей находил оправдание: «Нужно пройти этот путь, чтобы потом иметь возможность влиять на ситуацию изнутри».

Между тем в окружении офиса всё чаще звучали разговоры, что Алексей — это будущая «надёжная опора» фирмы. Кто-то даже намекал, что при должной гибкости и умении «прогибать» закон он может за считанные годы дослужиться до статуса младшего партнёра. И каждый раз, когда такое слышал, он чувствовал, как внутри всё сжимается от странного коктейля из гордости, страха и тихого ужаса. Ведь за показными словами «статус», «должность», «престиж» стоял вопрос: «Каков ты теперь на самом деле?» Алексей в душе понимал, что чем выше он забирается, тем дальше отходит от собственной сущности, от своего юношеского порыва к истине. Но, будто загипнотизированный блеском перспектив, он продолжал шагать по лестнице вверх, надеясь, что когда-нибудь, на вершине, он сумеет развернуться и исправить всё то, что уже натворил.

Пока же этот путь, несмотря на всю его заманчивость, напоминал бесконечный бег по кругу. В каждый момент, когда нужно было сделать выбор между «сохранять принципы» и «заслужить одобрение системы», он уже почти автоматически выбирал второе. И чем чаще он повторял этот выбор, тем проще становилось оправдывать себя, тем рельефнее вырисовывалось лицо «нового Алексея» — человека, научившегося жить в мире, где социальная лестница на поверку оказывалась петлёй, сжимающей горло, а не путём к освобождению.

Глядя в зеркало в конце дня, Алексей видел теперь не просто «подтянутого и прилично одетого юриста», а человека, на лице которого появлялись новые складки и морщины напряжения, тяготящего бремени. Иногда он спрашивал себя: «Смогу ли я в какой-то миг остановиться, безболезненно соскочить с этой карусели?» Но каждый раз подавлял эти мысли, как изматывающие, ненужные и даже опасные для будущего.

Таким образом, пусть и не сразу, Алексей достиг своей «первой вершины»: он уже владел небольшим автомобилем, обитал в приличной квартире в более фешенебельном районе, имел гарантированный оклад, который позволял ему не считать каждую копейку, обзавёлся костюмами от модных брендов и подчёркивал свой статус, появляясь на светских приёмах. Где-то в глубине его души ещё теплилось воспоминание о детстве, о матери, о детских клятвах никогда не предавать свою мечту о справедливости. Но в иллюзорном сиянии успеха эти воспоминания меркли, терялись, превращаясь в едва различимые звуки прошлого — звуки, которые иногда пробивались наружу, но быстро тонули в шуме престижа и льстивых комплиментов окружения.

Алексей поднялся на очередную ступень, и вместе с этим пришло понимание: чем выше он взбирается, тем глубже пропасть между ним и тем, каким он был когда-то. Но он продолжал путь, словно плененный, очарованный призраком абсолютного успеха — успеха, которому ещё предстояло показать свою истинную, пугающую пустоту.

Глава 5. Первая вершина

Когда Алексей оглянулся на пройденный путь, ему на мгновение показалось, будто он прожил несколько жизней подряд — так велика была разница между сутулым, перепуганным парнем из трущоб, который мечтал о лучшей доле, и тем человеком, что теперь носил дорогие костюмы, передвигался на собственном автомобиле и уже почти не тратил времени на размышления о том, «справедливо» это или нет. На языке прошлого опыта он определил бы своё текущее положение как маленькое чудо, трудно вообразимое для того мальчишки, что сидел в неотопливаемой комнатухе и штудировал учебники по юриспруденции, стараясь уцепиться за любой шанс вырваться из нищеты. Теперь же он ощущал себя частью мира, где всё имеет цену и ничто не имеет подлинной ценности, кроме денег и власти.

Тем не менее, этот новый статус начал давать первые плоды в форме того, что называют «обеспеченной жизнью». Преодолев череду унижений и борьбы, Алексей стоял на своём личном пороге «первой вершины»: у него была финансовая стабильность, пусть и зависимая от прихотей старших партнёров. В офисе к нему относились уже не просто как к младшему юристу, а как к человеку, способному решать специфические и щекотливые дела. С каждым днём он всё сильнее погружался в рутину — странное переплетение авралов, компромиссов и негласных сделок, — но при этом замечал, что окружающие его люди признают его «своим». Это означало, что он мог позволить себе ужины в престижных ресторанах, завязывать знакомства с влиятельными лицами, которых раньше видел только по телевизору, и смотреть в глаза тем, кто ещё полгода назад, возможно, посчитал бы его «пустым местом».

Когда-то, в самые ранние годы учёбы, Алексей воображал, как будет выглядеть «успех». Он видел это в романтизированных снах: просторный кабинет с панорамными окнами, где на столе стоит чаша горячего кофе, а за стеклом раскинулся город, словно лежащий у его ног. Вокруг должны были бы ходить подчинённые, с почтением ожидая его указаний, а клиенты — благодарить за безупречную защиту. В этих юношеских грёзах успех ассоциировался с внутренней гармонией, когда ты чувствуешь себя нужным и уважаемым, а твоя совесть чиста. Но действительность оказалась намного прозаичнее: его кабинет был скромнее, чем мечты, а совесть давно уже перестала быть такой уж «чистой». Тем не менее, внешне Алексей достиг того, чему могли бы позавидовать многие: он взбирался по социальной лестнице, пусть и по грязным ступеням, но всё чаще ощущал определённую «сладость», когда замечал завистливые взгляды — от мелких клерков или знакомых юристов, не сумевших пробиться так высоко.

В один из дней, когда Алексей вернулся из судебного заседания, где его сторона в очередной раз победила, он вошёл в свой кабинет (уже более просторный, чем был на первых порах) и увидел на столе поздравительную открытку. Неуклюжий рисунок весов правосудия символизировал, что кто-то из коллег решил отметить его недавний успех. Открыв открытку, он увидел короткую надпись: «Алекс, так держать! Гордимся твоими результатами. Ещё немного — и придётся делить с тобой гонорары на равных». Подпись гласила: «От команды». Эту поздравительную записку он воспринял сначала с ироничной усмешкой: конечно, никто на самом деле не намерен делиться с ним серьёзными доходами. Но, перечитав дважды, Алексей ощутил странное чувство, смешанное из гордости и непроходящей тоски. Гордости — потому что, похоже, он действительно чего-то достиг, тоски — потому что понимал, какой ценой.

Он опустил в кожаное кресло и на минуту закрыл глаза. Перед внутренним взором мелькали сцены из недавних судебных процессов, где ему пришлось выступать защитником людей, которых он в глубине души презирал, но жаждал оправдать перед законом. Ему вспоминались разговоры с клиентами — властными, богатыми, зачастую жестокими, — которые смотрели на него, как на наёмника, нанятого ради конкретной цели. Зачем-то всплыла и сцена из далёкого детства, когда он, мальчишка, смотрел в глаза отца, видя в них нечто среднее между

злостью и бессилием. Тогда, в те времена, маленький Алексей вслух клялся, что никогда не станет таким, как отец, что будет добиваться успеха. И вот теперь, спустя годы, он действительно не стал подобием алкоголика и не жил в трущобах... но, посмотрев правде в глаза, понимал, что носит иные кандалы: кандалы сервильности перед теми, у кого в руках деньги и влияние.

В тот же день, чуть позже, Алексея пригласила на разговор Лора Бэйнс. С момента их знакомства она прошла через полосу разочарований и личных кризисов, но оставалась одной из самых способных сотрудниц фирмы. В последнее время она почти не появлялась в офисе: ходили слухи, что она замыслила увольнение, ссылаясь на постоянные конфликты с начальством, которое вынуждало её заниматься махинациями в особо крупных делах. Алексей знал, что Лора — редкий пример того, кто ещё не утратил до конца чувство справедливости, и потому платит за это нервными срывами. Увидев Лору, выходящую из лифта, Алексей заметил, как она осунулась, а в глазах светилась усталость и горечь.

— Привет, — сказала она, входя в кабинет без стука. — Можно тебя на пару слов? — Конечно, присаживайся, — кивнул Алексей, отмечая про себя, что она специально вошла, когда вокруг практически никого не осталось. Видимо, боялась лишних ушей. Лора села на стул напротив него и сжала руки, будто бы старалась сдержать внутреннюю дрожь. — Алекс, я ухожу из фирмы, — сказала она почти шёпотом, хотя вокруг не было ни души. — Не могу больше. Я устала от этого вранья. Алексей вынужденно улыбнулся, но улыбка вышла кривой и болезненной. Он чувствовал, что для Лоры это решение — отчаянная попытка спасти то, что осталось от собственной совести. — Понимаю, — тихо ответил он. — И что дальше? — Не знаю. Может, попробую открыть своё маленькое бюро. Или уйду вообще из профессии, потому что не верю, что в нашем мире можно оставаться человеком. Она произнесла это с такой безысходностью, что Алексей почувствовал, как его собственная давно заглушенная тоска отзывается болезненным ударом. Похоже, Лора стояла на грани, которую он сам уже давно переступил. — Мне жаль. Но, если ты уйдёшь, что будешь делать? На что жить? — спросил он, понимая, что в этих словах звучит больше расчёта, чем сочувствия. Ведь для него вопрос денег давно перешёл в категорию базовой безопасности. — Я найду способ. Нельзя же всю жизнь продавать себя, — ответила она, бросив на него взгляд, в котором читалась смесь сострадания и осуждения. — Знаешь, Алекс, я видела, как ты растёшь здесь, и радовалась за тебя. Но у меня ощущение, что ты уже не тот человек, каким пришёл. Алексей молча слушал, не зная, что ответить. Правда была в том, что он сам чувствовал это каждый день, но боялся признаться даже себе. — Разве у тебя нет желания... вернуть себя? — тихо спросила Лора, и голос её задрожал. — Я помню, как ты говорил на наших первых встречах, что хочешь помогать людям, которые в беде... — Видимо, те слова были выдумкой наивного мальчишки, — с горечью ответил Алексей. — Слушай, Лора, не надо меня упрекать. Я прошёл слишком много, чтобы просто выбросить всё и вернуться к нищете. Она долго смотрела на него, потом печально кивнула. — Понимаю. Но не осуждаю. Просто... мне тяжело видеть, во что превращаются умные, хорошие люди в этой компании. — Удачи тебе, — выдавил Алексей, ни на что больше не сподобившись.

Когда Лора вышла, он остался сидеть, глядя в пустую стену. Ее слова, будто занозой, вонзались в его сознание: «Разве у тебя нет желания... вернуть себя?» Он попытался убедить себя, что это вопрос риторический, что об этом поздно думать, что ему некуда отступать. И всё же внутри пульсировало тягостное ощущение, словно эта «первая вершина», к которой он так стремился, на поверку оказалась иллюзией, скрывающей за собой бездну. Он ещё не упал в неё, но уже стоял на её краю, балансируя между неясной ностальгией по прежней мечте и холодной реальностью сегодняшнего положения.

Некоторое время спустя, когда рабочий день закончился, Алексей отправился на фешенебельную вечеринку, куда его пригласили новые знакомые из числа влиятельных клиентов. Мероприятие проходило в элитном клубе, оформленном в неоклассическом стиле с роскошными люстрами, мраморными колоннами и мягкими коврами, приглушающими звуки шагов.

Здесь всё дышало уверенностью в собственном превосходстве: дорогие костюмы, бриллианты в украшениях женщин, улыбки, скрывающие либо цинизм, либо скуку.

Алексей пробирался сквозь плотные ряды гостей, чувствуя, как в нём поднимается раздражение и странная отрешённость. Он привык к подобным собраниям, где люди делали вид, что обсуждают погоду или искусство, тогда как настоящим предметом разговоров оставались деньги и взаимные услуги. Но на этот раз в его голове звучало эхо слов Лоры, да и собственный внутренний протест давал о себе знать сильнее обычного. Он знал, что внешне нужно казаться безупречно приветливым, иначе тут же утратит расположение клиентов — а значит, и очередную возможность «двигаться вперёд».

— О, Алекс! — послышался голос Майкла Хэйса, который стоял у высокого столика, попивая виски. Увидев Алексея, Майкл приподнял бровь и махнул рукой, приглашая подойти ближе. Рядом с ним были двое состоятельно выглядящих мужчин — вероятно, чиновники или бизнесмены. — Познакомьтесь, это наш лучший человек по «тонкой работе», — усмехаясь, представил его Майкл спутникам. — Алекс, это мистер Кларк и мистер Самнер, большие люди в сфере недвижимости. Алексей улыбнулся, пожал руки, без труда изобразив вежливый тон и солидный вид. Он слышал, как Майкл делает ему комплимент за последнюю выигранную серию дел, и чувствовал, что те двое оценивающе, почти хищно оглядывают его. Прошло несколько приветственных фраз, и Алексей понял, что теперь к нему относятся как к важному инструменту, к «специалисту», способному решить непростые задачи.

Беседа быстро перешла к разговору о новом строительном проекте, где, по словам мистера Кларка, «нужно будет слегка сместить зону рекреации, чтобы освободить землю под застройку». Алексей мгновенно понял, что под «сместить зону рекреации» подразумевается подкуп чиновников, лоббирование необходимых изменений в земельном законодательстве, а дальше — давящая волна административных рычагов, которые позволят выдавить из района всех несогласных жителей. Он уже научился слышать эти «переводы» скрытых намёков.

Майкл, ухмыляясь, похлопал Алексея по плечу: — Думаю, Алекс сможет помочь, если дело дойдёт до конфликтов с общественностью. Он у нас специалист по тому, как закон можно повернуть без шума и пыли. Алексей почувствовал, что в груди что-то разрывается. Он продолжал улыбаться, отвечая: «Разумеется, всегда готов рассмотреть возможности в правовом поле», — но внутри у него возникла нестерпимая волна отвращения. Ещё недавно он, может, и не столь явно, но верил, что его работа защищает чьи-то интересы; теперь же он прекрасно понимал, что сам окажется на стороне богатых застройщиков, которым нужно снести или «прирезать» часть земли, где, вероятно, живут простые люди. И эти люди не подозревают, что закон может работать против них с пугающей эффективностью, если у противника найдутся деньги и связи.

Демонстративно чокаясь бокалами, Майкл и бизнесмены откинулись к столу, предлагая тост за успешное будущее проекта. Алексей машинально присоединился, сделав глоток дорогого виски, но проклятое чувство отвращения продолжало сжимать горло. Ему вдруг захотелось бросить бокал на пол, сказать: «Я не согласен», и уйти. Но он знал, что это будет равносильно самоубийству в карьерном смысле. К тому же вспыхивавший в душе протест быстро гасился мыслью: «Ты уже зашёл слишком далеко, чтобы возвращаться». И он, сдерживая рвущиеся наружу эмоции, продолжал изображать спокойное участие, слушая, как Майкл описывает будущий «огромный доход» и «вклад в экономику» — то есть те самые оправдания, которыми обычно облекается процесс передела собственности в пользу сильных мира сего.

Весь остаток вечера Алексей провёл в натужных разговорах, пересиливая себя, стараясь не показывать истинных чувств и выдавливая вежливые улыбки. Он выпил больше, чем обычно, и вернулся домой уже за полночь, шатаясь от смеси алкоголя и моральной усталости. Зайдя в пустую квартиру, где царила звенящая тишина и стерильный порядок (он платил горничной, которая приходила раз в неделю и убиралась), Алексей понял, что его мир за послед-

нее время сузился до безликих стен, дорогой мебели и полного одиночества. И вот он — тот самый триумф, «первая вершина», на которой должно было расцвести его счастье! По идее, именно сейчас он должен был бы ощущать победный восторг от своего статуса, денег и признания коллег. Но вместо этого он чувствовал себя пустым сосудом, наполненным сгустками агрессии, стыда и непонятной вины, которую не на кого возложить, кроме самого себя.

Он достал из бара бутылку виски, плеснул себе в стакан и опустил в кресло, погружившись в мрачные мысли. В голову вновь пробрались воспоминания о матери, корчившей спину на уборках в больнице, об отце, который бесцельно просиживал дни в пьяном угаре. Алексей понимал, что теперь у него есть ресурсы, чтобы помочь матери, дать ей лучшую жизнь, но почему-то даже не звонил ей уже несколько недель, находя отговорки в бесконечной работе. «Кто я теперь? — шептал он себе. — Почему всё внутри меня кричит, что я предатель собственных принципов, а я продолжаю идти дальше?» Никто не отвечал, квартира молчала, лишь неоновые отблески городских огней мерцали на стенах, напоминая о внешнем блеске его успеха.

Наутро он проснулся с тяжёлой головой, мучимым чувством, что очередной раз изменил сам себе. Тем не менее, он собрался, надел дорогой костюм, сделал вид, что всё в порядке, и поехал в офис, чтобы принять новые вызовы от партнёров. Встречи, переговоры, звонки, — день понёсся бурным потоком. Никто не видел, что внутри него творится хаос. Коллеги замечали лишь целеустремлённого молодого юриста, который уже теперь явно метил на повышение.

Так Алексей окончательно вошёл в фазу своей «первой вершины» — официально признанный профессионал, имеющий авторитет и деньги, но втайне начинающий сознавать, что эта вершина вовсе не означает освобождение от сомнений. Скорее, наоборот, здесь он наиболее остро чувствовал, как глубоко увяз в компромиссах. И если раньше мог оправдывать себя необходимостью выбраться из нищеты, то теперь, когда он выбрался и обрёл устойчивый финансовый тыл, ему всё труднее было обманывать себя. За каждым его движением тянулся шлейф циничных сделок, фальшивых улыбок, каменных стен офиса, куда не проникала искра подлинной человечности. И, глядя на весь этот антураж, он, возможно, в первый раз по-настоящему осознал: он ничего не изменил в системе — скорей она меняла его, и меняла безвозвратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.